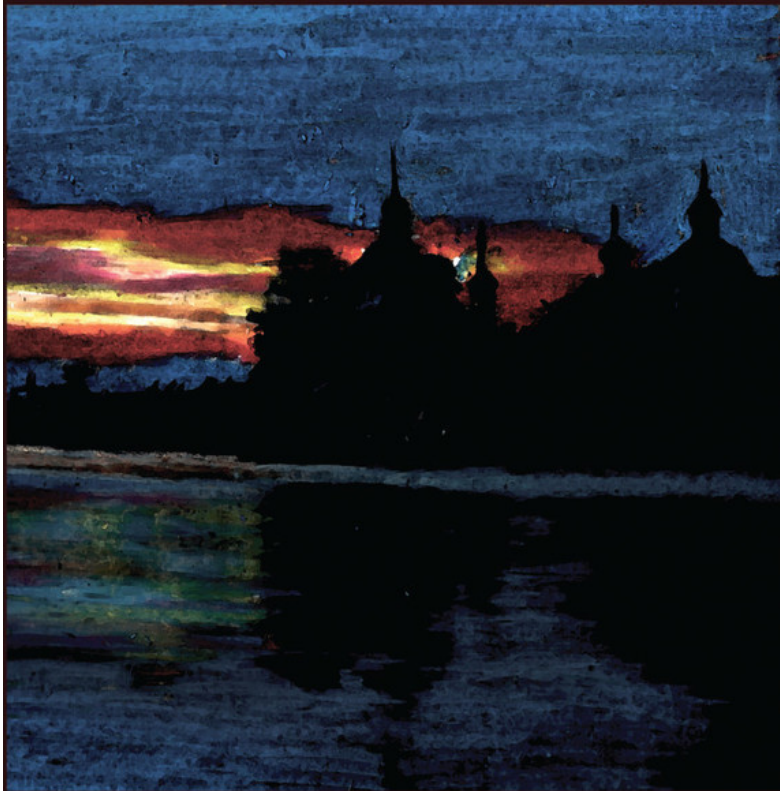

Максим Калинин

ЧАСОВЫЕ НАД ШЕКСНОЙ

Максим Калинин

Часовые над шексной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051213

Часовые над Шексной Вторая книга стихов:

ISBN 978-5-91627-135-5

Аннотация

Максим Калинин родился в 1972 году в Рыбинске. Автор книги стихов «Тёмный воздух». М., Водолей Publishers, 2008 и книги переводов «Томас Прингл. Африканские зарисовки». М., Memories, 2010. Стихи публиковались в антологиях «Лучшие стихи 2010 года». М., ОГИ, 2012 и «Лучшие стихи 2011 года». М., ОГИ, 2013, а также в периодике: «Арион», «Вестник Европы», «Волга», «Иностранная литература», «Литературус» (Финляндия), «Москва», «Новая Юность», «Октябрь», «Печерский листок» (Киево-Печерская лавра), «Сибирские огни», «Урал». Лауреат премии за поэзию журналов – «Москва», 2002 год и «Урал», 2009 год.

Книга «Часовые над Шексной» включает в себя стихотворения, написанные с 2008 по 2013 год.

Лирика Максима Калинина одновременно эпична, духовна и исторична. Главный герой книги – Время во всех его проявлениях и образах – от социальных до онтологических.

Стихи М. Калинина обладают оптимальной, «шаровой» актуальностью, потому что в них происходит гармоничное и грозное слияние земного, небесного и душевного.

Содержание

Время – поэзия Максима Калинина	7
Часовые над Шексной	14
Дома по ту сторону Волги	16
«На костях разорённых кладбищ...»	18
«Хлеб разломали, кроша...»	19
«Не зная в безднах ни аза...»	21
«Закружи по долине...»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Максим Калинин
Часовые над Шексной
Вторая книга стихов

Время – поэзия Максима Калинина

Поэзия Максима Калинина – прикровенна: его лирические стихотворения пронизаны и укреплены хроноэпическим потоком социального (история), природного (родная и вообще земля, стихии) и душевного (зрящая и зримая душа). Стихи М. Калинина – не лиро-эпичны, они прежде всего хроно-топичны. Именно время и место обнаруживают в себе в процессе их вербализации – открытия. Эвристичность поэзии М. Калинина несомненна: в каждом стихотворении книги «Часовые над Шексной» есть серьёзные открытия в концептуальных сферах таких категорий, как Время, Вечность, Жизнь, Земля (Вода, Огонь, Воздух), Смерть, Душа, Бог и др. Именно эти категории стали предметом поэзии М. Калинина. И ещё: в каждом стихотворении виден ПУТЬ. Путь таланта.

Подлинность и сила поэтического дара М. Калинина очевидны. Не наглядны и поверхностны, как у последователей и имитаторов Бродского (пользователей палимпсеста просодии И. А. Бродского), но – проникновенны. Проникновенность этого поэта – вертикальна: ни в стихах Калинина, ни в сотворённой им поэтической картине мира, ни в самом мире (по Калинину) нет пустоты. Эти стихи настолько плотные в просодическом, в звуковом, в языковом отношении, что вещество пустоты материализуется в них чудесным образом в

вещество жизни, смерти и души. И – любви: М. Калинин, почти по И.А. Бунину, поёт и плачет только о страшном и о прекрасном. Синтез ужасного и красоты не заедает стык этих родственных противоположностей, а позволяет (и это неизбежно) появляться здесь поэзии. Поэзии в чистом виде. Два мощных пласта страшного (отчаянье) и красивого (ещё большее отчаянье), наплывая друг на друга, выжимают из мира, из языка, из души – поэзию. Вещество того Нечто, что есть только в стихах, в музыке и в божественном.

Чтобы попасть на соседний берег,
Надо отращивать плавники...

(«Часовые над Шексной»)

Вертикальное, глубинно метафорное, образное, мысли-тельное бурение, минуя пласты предметных и образных смыслов, достигает уровня духовной семантики и, погружая в него уже не разум и сердце, но душу, – обнажает здесь смыслы чудовищной (от «чудо») силы, глубины и высоты: чтобы попасть в инобытие, в вечность etc., нужно отращивать, выращивать и наращивать в себе душу, Бога и хаокосмос, который оборачивается жизнью... Какой? Поэт живёт не *здесь и сейчас*, а *всюду и везде*.

Как истинный поэт, М. Калинин обладает комплексным зрением. В ослепительно светящейся точке схождения множественного взгляда поэта соединяются все стороны бытия: свет, тьма, земля, вода, Бог, поэт и время. Взгляд М. Калини-

на обладает редким свойством видеть себя со стороны, глядя из себя, из мира реального и ирреального. Здесь мир показывает свою изнанку – миф. Но изнанка мифа – мир, и поэтому язык М. Калинина одновременно столь современен и архаичен. Это язык, который диахронически является не только русским, но и славянским. Просторечие, архаизмы, диалектизмы и лексика общеупотребительная образуют, как в Пушкинском «Пророке» стереоскопический хронос, который перепахивает статическое пространство. Однако и кажущаяся статичность топоса зиждется на росте пространства, на его прикровенном и незаметном движении – на выросте его: семена времени раздвигают место и присваивают его себе – растению вечности:

– ... От бессмертия нет защиты...

– ... Время пространство пытаться

Зреньем и слухом.

Время к земле припадать

Жажущим слухом...

– ...Смерти прожорливой сыть

Суть человеки...

– ...Тяжко шагать неживым

Краем родимым,

Чуять отчества дым,

Будучи дымом...

– ...Вернулись золотые времена,

Когда в лесу деревья говорили...

– ...Рыбы к воде бегут,

Прыгая на боку.

Жизнь изнутри вовне

Двигается впопыхах.

Стало не стыдно мне

Смерти в своих стихах...

– ... Жизнь ушла с прокушенной губою...

– ... Урожай созреет вскорости,

Собирать меня пойдёт...

– ... Душа уходит кошкой

Бродить по чердакам...

– ... Я ещё не умер до конца.

Пять минут от вечности занача,

Выгляжу вполне живым с лица...

– ... Заросли высокие раздвинув,

Сам себе я вслед машу рукой ...

Поэт, вслед за Природой, сотворяет особую, но абсолютно художнически и онтологически объективную сферу жизнесмертия. М. Калинин – мужественный поэт: он сознательно и опять же бытийно истинно обитает в этом бескрайнем и шарообразном хронотопе – в жизнесмертии. Пантеизм М. Калинина – особый: он русский, славянский, наш, русско-поэтический, Ломоносовский, Державинский, Тютчевский, Заболоцкий. И поэтому поэзия М. Калинина тотально консонантна: согласные звуки, теснясь, создают невероятную звуковую, шумную плотность стиха, – и это плотность нашего языка и мира.

Я устал искусства дар чудесный
Воровать, как нечестивый тать
И, переводя глагол небесный
На земной, с подстрочника кропать...

С – Т – Л – С – К – С – Т – В – Д – Р – Ч – Д – С – Н – В – Р
– В – Т – К – К – Н – Ч – С – Т – В – Т – Т, – вот консонант-
ный перевод небесного на земное, или превращение Неба в
Землю, или приращение Неба к Земле корешками русских
согласных звуков.

В этой книге много имён воды, земли, неба, людей, зве-
рей, рыб и птиц (сорока как древнейшая наша птица наибо-
лее любима поэтом). «Из могилы поднималось тело, // На-
прягая зрение и слух», – не только для того, чтобы увидеть
и услышать, но прежде всего для того, чтобы вспомнить –
и назвать. И – переназвать. И – вспомнить изначальное имя
мира.

Первое, первичное имя мира, по М. Калинину – ВРЕМЯ.
Время поэтическое, которое есть синтез – образный, органи-
ческий и онтологический – времени природного, антропо-
логического, биологического, астрономического, историче-
ского, социального и воображаемого времени звука, образа
и смысла. Единица поэтического времени М. Калинина – че-
ловек. Человек, воплощённый в стихиях, в дереве, в птице, в
животных, в светилах небесных, в жизни, в любви, в смерти.

Сызнова по голыдьбе
Смерть мышковала.
Живо набила себе
Зоб до отвала.
То, что пригрезилось сном,
Сбудется явью —
Будем стелиться мышом
По мелкотравью.
Лишь головой в синеву
Станешь нетвёрдо,
Тут же расклинит траву
Острая морда.
Тщится поимная снедь
В вечном расчёте.
Косточки будут белеть
В лисьем помёте.

Стихотворение сказано всюду, всегда и навсегда. Интенционально (за счёт лексической стилистики и семантики разноприродного характера) оно адресовано одновременно прошлому, настоящему и грядущему. Нисходящая автометафора – духовно взмывает в высь, – туда, откуда Творец, поэт и мир смотрят на жизнь. На жизнь как на константу духовного и вечно смертно – живого.

М. Калинин – поэт редкий: и словесно, и стилистически, и онтологически, и витально, и номинативно: он имеет дар, мужество и силу называть дерево деревом, небо небом и смерть – жизнью.

Если станет душа легкокрыла,
То не раньше, чем тело – мертво.
Это время со мной говорило
Или я говорил за него?

Когда воспринимаешь подлинную поэзию в оязыковлённом виде – изумляешься: КТО ЭТО СКАЗАЛ? Или – ЧТО ЭТО СКАЗАЛО? Поэт? Дар? Бог? Время? Вечность? Душа?.. Поэзия есть абсолютное время, не подвластное цикличности и окончанию своему. И когда говорит поэзия, то слышится время. Время – поэзия Максима Калинина.

ЮРИЙ КАЗАРИН

Часовые над Шексной

Весело плещет река Шексна,
С Волгой рекой сопрягая ток.
Ветер уносит обрывки сна.
Воздух пьянит за один глоток.

Башня из брёвен венчает юр.
Частые колья обстали двор.
Пятнами жёлтых и серых шкур
Полнятся дали, где ходит взор.

Ведьминой дыркой бойницу звать
Издавна брат-часовой привык.
Всякую малость тебе видать,
Ежели к небу стоишь впритык.

Глазу не лёгок глядельный труд —
Как на ладони судьба видна:
Посуху дикие люди прут,
Берегу корни грызёт волна.

Страх опускает на плечи плеть.
Трудно бодриться в тяжёлый час.
Нам с тобой не о ком песню петь.
Завтра, должно быть, споют о нас.

Тем, кто за нами пойдёт на рать,
Будем в оврагах костями греметь,
Кровью в ручьях голубых плескать,
Душами по древесам шуметь.

Тем, кто за нами потянет век,
Драться без роздыху – не с руки.
Чтобы попасть на соседний брег,
Надо отращивать плавники.

Солнце в Шексну опустило прядь.
Вражьего варева слышен смрад.
Вскорости будет не расхлебать.
Дай-ка мою поварёшку, брат!

Дома по ту сторону Волги

I

Удобно им дремать на плоском лежне,
Пережидая тёмные века,
Пускай земля струится с потолка,
И сумерки глядят всё неизбежной.
Довериться бы им волне на стрежне,
По брёвнышку скатившись с бережка
Но Вечность им стеречь удел – пока
Ей не сыскать хранителей прилежней.

Здесь в сопряженье каждого бревна
Запрятано скрепляющее слово.
Благоволит покою тишина,
И жизни неколеблема основа —
Ребёнок из чердачного окна
Взирает на прохожего седого.

II

Затёртый огородами домишко,
Где лаем задыхается кобель.
Хозяин пьян по несколько недель —
Прищуристый и гадкий коротышка.
Труба торчит как на макушке шишка —
Повылетело сколько ведьм отсель?
Здесь вурдалачья сходится артель,
И с присвистом у сумерек одышка.

Что бредни книг про средние века,
Где кровью плачет каждая строка —
Без колдовства здесь жизни отнимают,
Кивая на превратности судьбы.
Калитку на ночь здесь не запирают.
От остановки – пять минут ходьбы.

«На костях разорённых кладбищ...»

На костях разорённых кладбищ,
Огороды лежат, разбиты.
Только хрящ не бывает на клад нищ —
От бессмертия нет защиты.

До сих пор в тех местах бывает,
Что затерянное надгробье
На поверхность земли всплывает,
Эпитафией морща взлобье.

Здесь Васильевский храм взорвали,
Содрогалась земля сырая.
Из-под кочки – лицо в овале,
На изменчивый мир взирая.

Подбирая с дороги манну,
Пылью тронутую земною,
Помолись за младенца Анну,
Чьё надгробье вошло весною.

«Хлеб разломали, кроша...»

Хлеб разломали, кроша
Тёплые миги.
Ввысь улетела душа
Чёрной ковриги.

Время пространство пытаться
Зреньем и слухом.
Время к земле припадать
Жаждающим ухом.

Сохнут земные пути
Рваную сетью.
Путника право – идти
По лихолетью.

Зверь не престанет служить
Лесу и полю,
Будет, кому отпустить
Душу на волю.

Смерти прожорливой сыть —
Суть человеки,
Будет, кому опустить
Страннику веки.

Тяжко шагать неживым
Краем родимым,
Чуять отчества дым,
Будучи дымом.

Ты и себе на уме,
И без одёжки,
Только грохочут в суме
Хлебные крошки.

«Не зная в безднах ни аза...»

Не зная в безднах ни аза,
В какое хочешь время года
Закрой усталые глаза,
Пушкой ведёт тебя Природа.

Ты не споткнёшься, хоть беги,
Топча крапиву иль ятрышник,
И увернётся от ноги
В дорогу вдавленный булыжник.

Пушкой с небес течёт вода,
Твоя не старится походка,
И дождевая борода
Весь день свисает с подбородка.

Душа становится наглей.
Вам с ней – что сено, что солома.
И корни длинных тополей
Сплетаются с корнями дома.

Сдают сомнения посты,
А разум просит послабленья.
И вырваться не в силах ты
Из этого хитросплетенья.

Здесь всё друг с другом сплетено
Насколько хватит кругозора.
И ты как малое зерно
Лежишь в извилине узора.

Закрыто мудростью веков
Величие земного света.
И нет прекраснее стихов
Слепорождённого поэта.

«Закружи по долине...»

Закружи по долине,
Где не страшно заблудшим глазам;
Где ни камню, ни глине
Не ответить на робкий «сезам»;

Где трава неизбежна,
Но до срока суха и желта;
Где спускается нежно
По щеке ощущение перста;

Где спешит мелколесье
Созидать вековой неуют;
Где в пустом поднебесье
Золотые монахи поют.

Будет рушиться ливень
Сквозь дырявую кровлю небес,
Будет солнечный бивень
Раскурочивать плоти замес,

Но останется вера,
Что превыше всего – тишина,
И что каждому мера

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.